

Так мало преподносит нам война светлых подарков. Война щедра на горести и разлуку, она шлёт нам из своего огненного вихря жуткие сгустки смерти – осколки с рваными краями. Вот один – прикоснись к нему, возьми в ладонь... Ты чувствуешь? Это лежит на твоей ладони чья-то смерть. Но, слава Богу, осколок этот не испил крови, не исполнил своего предназначения.

Сквозь огненный вихрь прорываются, порою, не только осколки. Вот, покружив, спускается легкое невесомое чудо – крохотный бумажный самолёт. Чья рука его пустила из Донбасса? Чья рука уберегла от огненного дыхания?

Сквозь обожжённые складки просматриваются буквы, слова, читаются строки и строфы.

Что если самолёт не долетит?
Что если упадёт листком тетрадки?
И тайна превратится в алфавит,
В застывшую гармонию порядка.

«Бумажный самолёт» – так назвала свою книгу стихотворений поэт фронтового донбасского Луганска Елена Заславская. Созданная среди войны книга, тем не менее, не посвящена военным событиям в Донбассе, автор намеренно увела читателя от этой трагичной реальности. И даже характеристика, поставленная Еленой Заславской на титульном листе: «Светлая лирика», также призвана увести от излишней перегруженности военной тематикой. И это легко объясняется – война в Донбассе длится уже пять лет, дольше, чем Великая Отечественная. Конечно же, общество – прежде всего в Донбассе – устало от этого. Устало от неопределенности «бесконечной войны».

Но война всё таки наложила свой отпечаток – полутенями, интонациями, отдельными упоминаниями. И здесь, в «светлой лирике» Елены Заславской, целиком посвященной великому чувству любви, проскальзывает:

...Или уехать подальше, чтоб не узнал ты,
Никогда, никогда, никогда не узнал ты,
Как накрывает взрывной волной.

И в этом поэтическом крике-повторении – не красавость условности, не опошленный кинофильмами-боевиками символ. Здесь – сила заклинания любящей женщины, узнавшей не понавышке злую ярость взрывной волны. Сколько в этом образе суровой правды жизни! В памяти сразу возникают гениальные строки «Слова о полку Игореве» (привожу в переводе В. А. Жуковского):

«Полечу, — говорит, — чечеткою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Обтурю князю кровавые раны на отвердевшем теле его».

Скупые на слова строки вовсе не скучны на чувства: как много они говорят о силе любви, о страсти к возлюбленному, о подлинной заботе – к живому ли, мёртвому.

«Бумажный самолёт» собрал стихотворения разных лет, но они упорядочены вокруг единого сюжетного стержня – романтических отношений между лирической героиней, жительницей Донбасса, и москвичом:

Ты приехал в гости ко мне, в Новороссию,
В страну, которой на карте нет.

В лирическом пространстве книги Елены Заславской очевидно сталкиваются два параллельных мира, две вселенные, взаимосвязанные, но разделённые границей и линией фронта.

Там, во вселенной параллельной,
Твой мегаполис – жуткий монстр,
Он имя светлое Елена
В железных пальцах в миг сомнёт...

Эти параллельные миры – война и невойна, любовь и нелюбовь, равнодушие и неравнодушие, сочувствие и безразличие. Лирическая героиня «Бумажного самолёта» прорывается из вселенной войны, из страны, которой «на карте нет», в мир жестокого расчета и выгоды.

...И в тонкой, как лезвие бритвы реальности / Мы сталкиваемся,
И нет вариантов не сбыться друг в друге, / Как ни оправдывайся.

Столкновение двух людей из «параллельных вселенных» вызывает чувство. Любовь? Страсть? Заблуждение? В мировосприятии лирической героини – это шквальная стихия, побеждающая расстояния, прорывающая линию фронта, границу, все различия, но и эта стихия разбивается о чёрствость, бездушность «параллельной вселенной».

Твой мир герметичен.
В нём юные нимфы щебечут по-птичьи
И пьют алкоголь.
И как-то уже непривычно,
И даже уже неприлично
Писать про любовь.

В мире, в котором идёт война, в стране, которой «на карте нет», привыкли к подлинному и настоящему, к честному – как жизнь или смерть. Герметичный мир даже «кипяток сердечных струй» превращает в товар, то, что можно продать, поменять, сбыть. Любовь в нём – не более чем упражнения на простынях, повод для накрутки тщеславия «победителя».

А героине остаётся лишь прийти в себя от оглушающего осознания своего самообмана. Она осталась ни с чем? С горькой болью ахматовского «брошена – придуманное слово»? Опыт, вместо счастья? Но не в горе погружена героиня.

Есть только радость воплощения в слове,
Извечная мозаика русских букв.

Сила русского преодоления: извлечь из поражения свою преображенную победу, очищенную и вознесенную над пошлостью, «бытовухой», затхлым восторгом плотских утех. И тут очищенное слово любви, слово Поэзии побеждает и вдохновляет, продолжает жить – для тех, кто чист.

Но на устах остаются и
Не забываются
Вкус поцелуя
И вечное чудо кириллицы...

В этом смысле, стихотворения сборника Елены Заславской по-настоящему проникнуты светлым оптимизмом, радостью переживаемого счастья. Конечно, есть в книге и стихотворения, которые «на ура» будут восприняты только женской аудиторией. Но в этом, надо полагать, также заключается их ценность – отражающих чаяния и представления современных молодых женщин.

...А «Бумажный самолёт» Елены Заславской преодолевает границы между параллельными вселенными – войной и не войной, между мирами искренности и духовной «герметичности». И эта книга – не клочок бумаги. Здесь «вечное чудо кириллицы» не даёт забыть главного, важнейшего: любовь сильнее войны!

И вдруг окажется, что я была права:
Порой не долетают самолёты,
Но долетают главные слова,
И ожидают, и находят отклик.